85

СОВЕТ ВСЕРОССИЙСКИХ КООПЕРАТИВНЫХ С'ЕЗДОВ.

332
Ф-88

М. И. ФРИДМАН.

РЕДКИЙ ФОНД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО
И
ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В РОССИИ.

47191 Ч
9250
13512
Н-44

МОСКВА — 1919 г.

Государственное хозяйство и денежное обращение в России.

Между государственным хозяйством и денежным обращением в России, как и в других странах, существовали такие соотношения: когда государственный бюджет становился непоправимо дефицитным, когда доходы были значительно меньше расходов, а кредит по тем или иным причинам отказывался служить, тогда государство прибегало к использованию денежного обращения и к выпуску различных видов кредитных денег (обычно это случалось во время войн и внутренних междоусобий); затем, по наступлении нормального периода, принимались меры к упорядочению произведенного разстройства, и когда водворялась эпоха удовлетворительного состояния государственного хозяйства и правильно действующего денежного обращения—эти две отрасли, столь тесно связанные в момент несчастья, разобщались, становились независимыми и шли каждая своим путем.

Переживаемые в настоящее время бедствия расстроенного денежного обращения не являются результатом случайного стечения неблагоприятных обстоятельств и не могут быть устранены с помощью какой-либо финансово-технической меры. Судьбы рубля теснейшим образом сплетены с состоянием государственного хозяйства, а это последнее стоит в неразрывной связи с положением народного хозяйства, со всей экономической и политической жизнью страны. Чтобы убедиться в этом, достаточно проследить, как изменялось положение дел в области государственного хозяйства и денежного обращения в России за последние несколько лет. За это краткое время, столь богатое событиями, следует отличать четыре периода: 1) время до начала войны, 2) годы войны—до революции, имевшей место в феврале 1917 года, 3) революционный период—от марта до ноября 1917 г., и, наконец, 4) период коммунистического управления—с ноября 1917 г. по сей день. Последующее изложение имеет задачей дать материал для суждения о том, в каком положении находились за эти периоды государственное хозяйство, с одной стороны, денежное обращение, с другой, и каковы были взаимные отношения между этими двумя важнейшими отраслями наших финансов.

рф-547
Финансовая Академия при Правительстве Российской Федерации БИБЛИОТЕКА

I. Перед началом войны.

После многолетних усилий и чрезвычайного напряжения податных сил населения к концу 19 столетия удалось не только устранить дефициты из государственного бюджета, но и накопить большие средства, которые дали возможность сосредоточить в государственном банке металлический разменный фонд, достаточный для упрочения денежного обращения на золотой основе. Даже война с Японией и революционная вспышка после нее не опрокинули нашего бюджетного и валютного благополучия, хотя война и обошлась в 2.300 милл., сумму, по тому времени весьма значительную. После некоторых тяжелых и даже критических моментов денежное обращение осталось устойчивым: размен не прекращался, и курс рубля колебался в небольших пределах.

Государственные росписи составлялись у нас так, что доходы превышали расходы, и в казне собирались остатки, известные под наименованием свободной наличности. Задерживая культурные и производительные расходы, ведя финансовую политику с узко-казначейской точки зрения, финансовое ведомство все-таки было недурным, хотя и прижимистым хозяином. Можно и должно было упрекать финансово-экономическую политику того времени в недостаточном внимании к запросам жизни, в непонимании громадной важности развития производительных сил страны и целесообразности больших капитальных затрат на мелиоративные, если можно так выразиться, работы в области народного хозяйства. Но если оставаться в пределах простых и элементарных задач сведения концов с концами, достижения равновесия в бюджете нормальными средствами, не прибегая к помощи кредитных денег, то надо признать, что эта задача разрешалась удовлетворительно. Конечно, податная система того времени была несовершенна, она нуждалась в коренных и существенных улучшениях; однако, с интересующей нас точки зрения она была удовлетворительна: при помощи нее расходы покрывались без содействия со стороны денежного обращения.

Ограничиваясь временем с 1910 г., приведем официальные данные о доходах и расходах государства. Они слагались так (в мил. р.):

	Сумма обыкновенных и чрезвычайных доходов	Сумма обыкновенных и чрезвычайных расходов	Превышение доходов (+) или расходов (—)
1910	2805	2534	+ 271
1911	2954	2749	+ 205
1912	3107	3142	— 35
1913	3431	3341	+ 90

Свободная наличность составляла:

На 1 января	1911 г.	333 милл.
„ „ „	1912 г	473 „
„ „ „	1913 г	433 „
„ „ „	1914 г	514 „

Если взять для анализа доходов и расходов исполнение росписи за 1913 год, то увидим, что обыкновенные доходы поступили в размере 3417 мил. и слагались из следующих важнейших статей:

Прямые налоги	273 милл.
Косвенные налоги	708 милл.
Пошлины	231 милл.
Правительственные регалии	1.025 милл.
Казенные имущества и капиталы . .	1.044 милл.

К прямым налогам относились — поземельные, с недвижимых имуществ, промысловый (наиболее крупный—150 милл.), с денежных капиталов. Косвенные налоги слагались так: сборы с питей (без водочной монополии) 54 милл., табачный доход 79 милл., с папиросных гильз и папиросной бумаги 5 милл., сахарный доход 149 милл., нефтяной—49 милл., спичечный—20 милл. и таможенный—353 милл.

Важнейшими пошлинами были: гербовые, судебные и канцелярские—112 мил. р., с переходящих имуществ (включая налог с наследства)—48 милл., с пассажиров и грузов—31 милл.

В числе регалий, т. е. государственных монополий, находим, прежде всего, доход от казенной винной операции—899 милл., затем почтовый доход—79 милл., телеграфный и телефонный—41 милл., монетный и горный доходы.

Из казенных имуществ (предприятий) надо отметить: казенные железные дороги—814 милл, лесной доход 92 милл., оброчные статьи и промыслы 21 милл.; кроме того, от участия казны в доходах частных железных дорог получено 26 милл. и от казенных заводов также 26 милл.

Важнейшими из расходов были следующие:

Военное и морское ведомство	826 милл.
Эксплоатация казенных железных дорог*) .	587 „
Платежи по займам	424 „
Расходы казенной винной операции	235 „

Государственный долг России был достаточно велик для нашей небогатой страны, но все-таки проценты по нему уплачивались с щепетильной аккуратностью, а самый долг в последние годы даже под-

*) Включая издержки на улучшение и усиление железных дорог и на приобретение для казенных железных дорог подвижного состава.

вергся небольшому сокращению. Наибольшей величины наша задолженность достигла в 1909 году, когда она поднялась до 9.055 милл. р. Затем остаток долга изменялся так:

к концу	1910	года	9030 милл.
„ „	1911	„	8958 „
„	1912	„	8858 „
„	1913	„	8824 „

При обрисованном выше положении государственного хозяйства не было необходимости прибегать к использованию денежного обращения. Оно действовало независимо, расширяясь и суживаясь по требованиям частно-хозяйственного оборота, в зависимости от потребности народного хозяйства в большем или меньшем количестве денежных знаков. Кредитные билеты принимались населением с неменьшей, скорее даже с большей охотой, нежели золотые и серебряные монеты. Наше денежное обращение слагалось так: к 1 января 1914 г. было в руках населения всего на 2403 милл. р. денежных знаков, из коих

кредитных билетов	на	1665 милл.
золотой монеты	„	494 „
серебра полноценного	„	123 „
серебра разменного	„	103 „
медной монеты	„	18 „

Размен кредитных билетов был обеспечен принадлежащим Банку золотом полностью: при нахождении в обращении на 1665 милл. кредитных билетов общая сумма золота, принадлежащего Государственному Банку, составляла 1695 милл., из которых 1528 милл. находилось внутри страны и 167 милл. за-границей. По нашему закону о денежном обращении Государственный Банк имел право выпустить кредитных билетов на 300 милл. р. больше, нежели имелось у него золота. Этот закон отличался большой строгостью, быть может, даже чрезмерной. Но из осторожности руководители нашей финансовой политики оставляли неиспользованным эмиссионное право банка к 1 янв. 1914 г. в размере 330 милл. р.

Само собою понятно, что при столь блестящем положении дел курс русского рубля внутри страны был непоколебим: так как легко и просто можно было заменить бумажный рубль золотым, то не было никаких оснований ценить металл выше, нежели представляющий его бумажный рубль. За-границей колебания курса происходили только под влиянием обще-политических событий и состояния рассчетов с другими странами, при этом падение курса рубля ниже паритета (определяемого соотношением количества золота в русской денежной единице и в денежной единице других стран) могло иметь место лишь в очень ограниченных размерах, пока не становилось выгодным рас-

плачиваться вместо обязательств граждан одной страны по отношению к гражданам другой пересылкой в натуре золота, которое свободно выдавалось в России взамен бумажных рублей по номиналу, обозначенному на кредитном билете. Колебания в расценке рублей по отдельным странам также сглаживались возможностью приобретения валюты или обязательств там, где они были дешевле, то есть уплатой в наиболее выгодной валюте с рассчетом последней в стране, где курс рубля был неблагоприятен. Речь идет о той операции, которая называется арбитражем.

Как видно из цифр, приведенных выше, население обходилось чрезвычайно скромным количеством денежных знаков—всего на $2^1/_2$ миллиарда рублей приблизительно. Надо иметь в виду, при этом, что громадная часть торговых оборотов осуществлялась в кредит, что в ходу были в большом количестве векселя и в некотором чеки, что существовали, хотя у нас и мало были развиты, рассчетные палаты, и имели место безденежные бухгалтерские зачеты; во-вторых, нельзя забывать и того, что один и тот же знак совершал круговращение в народном хозяйстве и служил для ряда платежей. Полученные деньги население либо несло в уплату податей, либо расходовало на свои нужды непосредственно, либо, наконец, сосредоточивало в кредитных учреждениях, которые, в свою очередь, оперировали этими деньгами. В особенности велики были суммы вкладов и текущих счетов в различных кредитных организациях. Вот данные об остатках на 1 января 1914 года:

в Государственном Банке	263 милл.
в частных коммерческих банках . . .	2568 „
в обществах взаимного кредита	595 „
в городских общественных банках . . .	186 „
в сберегательных кассах (денежные и в ценных бумагах)	2304*) „
в учреждениях мелкого кредита	466 „

Таким образом 6112 милл., т. е. более 6 миллиардов рублей имелось налицо в виде остатков в кредитных учреждениях. Это почти в два с половиной раза превышало количество денежных знаков, выпущенных к началу 1914 г. в оборот. Кредитные учреждения имели возможность сосредоточенными у них правами на известные суммы денег торговать, то есть, давать право распоряжения ими торговцам, промышленникам и сельским хозяевам. В виду устойчивости политического, экономического и социального строя существовало доверие к тому, что в нужный момент деньги будут предоставлены, или взамен этого дано будет право распоряжения требованиями третьего лица на платежеспособное учреждение или предприятие.

*) В бумагах всего 345 милл.

Поэтому банкам и другим кредитным учреждениям не было надобности держать в наличности всего, что они были должны вкладчикам, и значительнейшие суммы они пускали в оборот. Учетно-ссудные операции государственного банка, акционерных банков, обществ взаимного кредита и городских общественных банков, по неполным данным, на 1 января 1914 г. составляли 5087 милл., а с учреждениями мелкого кредита, выдавшими ссуд на 673 милл., величина сумм, выданных в долг кредитными учреждениями, подымается до 5750 милл.

Выпуск кредитных билетов в обращение из касс государственного банка производился на основе работы всего кредитного и хозяйственного механизма. Когда оживлялась хозяйственная деятельность и требовались большие суммы, усиливалось обращение в кредитные учреждения за средствами. Выдавая ссуды под векселя, товары и документы, частные банки разных видов при недостатке средств обращались в государственный банк, и либо снимали со своего текущего счета в банке собственные суммы, либо с помощью переучета обязательств получали дополнительные средства. Под эти обязательства, которым соответствовали определенные и фактические сделки, государственный банк выпускал кредитные билеты. Ясно, что когда, острый период усиленной нужды в деньгах исчезал, после завершения сделок, у продавцов получались свободные деньги, которые они снова несли в кредитные учреждения на вклады или в погашение взятых ссуд; кредитные же учреждения либо погашали свои на краткий срок взятые у государственного банка ссуды, либо усиливали свои текущие счета в государственном банке, где в силу этого увеличивалась наличность кредитных билетов в кассе в соответствии с сокращением количества денежных знаков в обращении. Таким образом аппарат действовал как бы механически и автоматически, выталкивая излишние знаки из обращения и вытягивая дополнительные порции их в случае надобности из государственного Банка. В подтверждение сказанного и для иллюстрации этого процесса приведем колебания количества денежных знаков в народном обращении по месяцам за 1909—1913 годы:

	Максимум	Минимум	Разница
1909	сентябрь — 1959 милл.	май — 1688 милл.	271 милл. р.
1910	октябрь — 2057 „	июль — 1784 „	273 „
1911	ноябрь — 2160 „	май — 1929 „	231 „
1912	октябрь — 2312 „	август—2032, июль—2040 м.	280 „
1913	октябрь — 2352 „	июль — 2124 „	228 „

Ясно, что в осенние месяцы—по преимуществу, октябрь или сентябрь или ноябрь—особенно усиленно реализуются сельско-хозяйственные продукты, на что требуется большое количество денег; в мае, июне и августе—затишье в этой области, и обращение сжимается на 10-12-13 %.

Таковы были взаимоотношения государственного хозяйства и денежного обращения в нормальное время, когда Россия не испытывала потрясений ни вследствие войны, ни под влиянием политических и социальных переворотов. Пора испытаний настала с половины 1914 года.

II. Период войны (с 1914 по 1917 г.).

Мировая война, в которую Россия была вовлечена, принесла нашему государственному и народному хозяйству тягчайшие, поистине, непосильные испытания.

Состояние государственного бюджета в период с 1914 по 1917 год было таково (в милл. р.)

Доходы	1914	1915	1916	1914—1916
Обыкновенные	2898	2835	3978	9711
Чрезвычайные	8	127	327	462
Остатки от заключенных смет прежних лет . . .	5	39	40	84
Итого	2961	3001	4345	10.307
Расходы				
Обыкновенные	2927	2643	2922	8492
Чрезвычайные, не вызванные войной	277	195	230	702
Итого	3204	2838	3152	9194
Превышение доходов над расходами (+) или наоборот (—)	—243	+163	+1193	+1113

Но это бюджетное благополучие, выразившееся в 1113 милл. избытка доходов плюс 514 милл. свободной наличности, то есть 1627 милл., оказалось ничтожной величиной по сравнению с необычными издержками, которых потребовала война. Чрезвычайные расходы, вызванные ею, достигли в 1914 г.—1655 милл., в 1915 г.—8620 милл. в 1916 г.—14.573 милл. Если прибавить к этому еще 376 милл. процентов по учету краткосрочных обязательств, выпущенных для покрытия военных расходов, общие издержки на войну достигли за эти годы цифры в 25.224 милл.

Откуда взяты были эти 25 миллиардов слишком? С помощью внутренних и внешних займов, во-первых, и путем использования бу-

мажных денег, во-вторых. Вот соответствующие цифры выручки по различным видам кредитных операций (в милл. р.)

	1914	1915	1916	1914—1916
Внутренние займы .	708	2879	4174	7761
Внешние займы . .	82	2140	3665	5887
Краткосрочные обязательства, выпущен. в России	805	3176	5610	9591
Итого	1595	8195	13449	23239

Краткосрочные обязательства, выпущенные в России, в значительнейшей части остались в кассах государственного банка, откуда под них государственное казначейство получало кредитные билеты. Если не считать краткосрочных обязательств, оставшихся за государственным банком, их было выпущено и размещено: в 1914 г. на 149 милл., в 1915 на 601 милл., в 1916 — на 2996 милл., а всего на 3746 милл. Соотношение между заемными операциями в собственном смысле слова и выпуском бумажных денег было таково (в милл. р.):

	1914	1915	1916	1914—1916
Займы	939	5568	10835	17342
Кредитные билеты .	1314	2670	3486	7470

Подробный анализ бюджетов 1915 и 1916 годов не представляется возможным в виду того, что нет еще отчетных данных: отчет контроля за 1915 г. не опубликован и известен лишь в суммарном виде, а за 1916 г. отчет еще не составлен. Мы можем, однако, и по приблизительным данным определенно сказать, что доходы государства от обыкновенных источников с 1914 по 1916 год возросли более чем на миллиард рублей, несмотря на то, что из росписи выпал такой существенный и важный элемент, как винная монополия, которая в 1913 г. давала почти 900 мил. р. валового сбора, с чистым доходом около 664 милл.

Об'ясняется это обстоятельство, главным образом, повышением ряда сборов за время войны, как то сборов с железнодорожных грузов и пассажиров, акцизов с табачных изделий, нефтяных продуктов, сахара, виноградных вин, введением акциза на чай, введением налога на прирост прибылей и т. д. Но, конечно, налогами нельзя было собрать сколько-нибудь значительных сумм в России, прежде всего, потому, что широкие слои населения были и без того обложены довольно сильно, а имущие группы были малы (богатых людей в России, как известно, не очень много было), и даже весьма высокое податное время, возложенное на них не могло бы дать больших результатов в смысле по-

крытия военных издержек. Затем, расходы на войну оказались столь грандиозными и притом столь возрастающими, а самая война столь продолжительной, что было положительно невозможно, при малом народном доходе, добиться надлежащих результатов с помощью податного винта. Это не значит, что налоговый пресс был правильно поставлен и выжимал все, что можно. Население имело возможность и обязано было, раз война началась и не могла скоро окончиться, взять на себя снабжение государства средствами на налоговых принципах в большей мере, нежели это было сделано. Но все таки, если бы правительство вздумало покрывать налогами половину или даже треть военных расходов, помимо обычных регулярных издержек государства, то оно подорвало бы народное благосостояние и подкопало бы корни народного хозяйства. Военные расходы составляли в день в 1914 г: 5,5 милл., в 1915 г:—24 милл., в 1916—40 мил. Использование кредита явилось неизбежным. К тому же, средства у населения скоплялись. Это видно из движения вкладной операции за интересующий нас период. Остатки вкладов и текущих счетов на 1 января соотвествующих лет изменялись следующим образом (в милл. р.)

	1914	1915	1916
В Госуд банке*)	263	478	954
В частных коммерческих банках .	2568	2917	3968
В обществах взаимного кредита .	595	511	557
В городских общественных банках	186	216	250
В сберегательных кассах (денежн. и в процент. бумагах) . .	2034	2236	3113
В учреждениях мелкого кредита .	466	465	506
Итого	6112	6823	9348

На 1 января 1917 года мы не имеем столь подробных данных Но нам известно, что вклады в госуд. банке возросли до 1379 милл., вклады в сберегательных кассах, считая только денежные, увеличились за 1916 г. на 1441 милл., поднявшись до 3890 милл., сумма вкладов и текущих счетов в акционерных коммерческих банках, обществах взаимного кредита и городских общественных банках увеличилась с 1 января 1916 г. по 1 января 1917 года с 4346 до 7566 милл., вклады в учреждениях мелкого кредита (с союзами) возросли до 900 милл. В общей сложности вклады и текущие счета указанных выше кредитных и депозитных учреждений по данным отчета государственного банка возросли к 1 января 1917 года до 13673 милл.

*) Не считая текущих счетов казны, специальных средств, депозитов и сумм госуд. сберегат. касс.

Прирост с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г. составлял более 7½ миллиардов рублей; внутренние займы, не считая краткосрочных обязательств, выпущенных и не оставшихся в кассах государственного банка, дали 7761 милл., а с вышеназванными обязательствами—11.507 милл. Более этого получить на внутреннем рынке государство не могло, несмотря на сочувствие широких слоев образованного и состоятельного общества к войне с Германией и на уверенность в платежеспособности государства и в устойчивости политического и социального порядка—по крайней мере на время войны. Нельзя не отметить, что кредит государства внутри страны в 1916 г. был уже поколеблен и недовольством общей политикой царизма, и крайне неудачными мерами финансового ведомства. Очевидно, что без внешнего кредита Россия обойтись не могла, и она должна была обратиться за финансовой поддержкой к своим богатым союзникам—Англии и Франции, а впоследствии к Соединенным Штатам. За интересующий нас период получено этим путем немного меньше 6 миллиардов, причем ссужало Россию государство, а не частные лица, и притом на короткие сроки, выдавая, в сущности, средства на покрытие расходов, которые Россия производила за-границей, главным образом, на оплату военных заказов, а также и на некоторые промышленные нужды, связанные с военными целями. Разместить русские займы долгосрочного типа на широком рынке за границей в это время было невозможно, потому что все свободные средства исчерпывающе использовались правительствами воюющих государств для своих нужд, и иностранные займы не допускались по понятным соображениям кредитной политики.

За отсутствием возможности покрыть расходы на войну путем нормального кредита оставалось обратиться к обычному в таких случаях источнику, к выпуску бумажных денег. Для этого пришлось приостановить размен кредитных билетов на золото и расширить право Государственного Банка на выпуск бумажных денег без соответствующего обеспечения. Так называемое свободное эмиссионное право Банка до войны не превышало по закону 300 милл. Во время войны оно неоднократно расширялось:

27 июля	1914 года	на 1200	милл.
17 марта	1915 „	„ 1000	„
22 августа	1915 „	„ 1000	„
29 августа	1916 „	„ 2000	„
27 декабря	1916 „	„ 1000	„
Итого за	1914—1916	на 6.200	милл.

К 16 июля банк имел право, по состоянию своего запаса и выпущенных кредитных билетов, право на дополнительное использование 411 милл. Действительный выпуск за интересующий нас период рисуется следующей таблицей:

	Всего	В среднем, в месяц.
В 1914 г. (с начала войны)	1314 милл.	219 милл.
В 1915 г.	2670 „	224 „
В 1916 г.	3487 „	290 „
Итого	7471 „	244 милл.

Количество кредитных билетов в обращении на 1 янв. 1914 г. было—1633 милл., на 1 янв. 1915 г.—2947 милл., на 1 янв. 1916 г.—5617 милл., а на 1 янв. 1917 г.—9103 милл. Произошло увеличение более чем в пять раз и почти вшестеро. Чем же обеспечивались эти кредитные билеты? Само собой ясно, что не золотом. Количество золота, как будто, увеличивалось, но, конечно, пропорция его к бумажным деньгам все уменьшалась, что видно из следующих сопоставлений:

	Золото и суммы за границей.	Кредитные билеты в обращении.
16 июля 1914 г. . .	1.744 милл.	1.633 милл.
1 янв. 1915 г. . .	1.732 „	2.947 „
1 янв. 1916 г. . .	2.260 „	5.617 „
1 янв. 1917 г. . .	3.617 „	9.103 „

Если к началу войны золота было больше, чем кредитных билетов, то к началу 1917 г. золото составляло лишь 40%. На это соотношение—само по себе довольно благоприятное,—в действительности, было значительно менее удачным. Дело в том, что количество золота в России не только не увеличилось, а даже уменьшилось вследствие отправки за границу; но в то же время значительно возросло количество золота за границей, то есть сумму заграничных банков и банкиров,—благодаря, главным, образом зачислению на счета Банка в Англии сумм из особого кредита, предоставленного нашей казне Великобританией, в качестве золотого покрытия для выпуска кредитных билетов, а также в виду поступления в распоряжение Банка за границей обязательств Великобританского казначейства за отосланное из России золото. Цифры рисуют такую картину (в милл. руб.)

	1 янв. 1914 г.	1 янв. 1915	1 янв. 1916 г.	1 янв. 1917 г.
Золото внутри страны	1528	1560	1614	1476
Золото за границей	167	172	646	2141

Громадные выпуски бумажных денег сперва находили себе работу вследствие усиленной в них потребности: росли требования армии на денежные знаки, вытеснялись сделки в кредит и заменялись

платежами за наличный рассчет, раздавались пособия и пайки семьям призванных на войну и в особенности повышались товарные расценки. Цены на товары и на рабочие руки весьма поднялись и в 1915 г., и особенно в 1916 г. Правда, товаров фабрично-заводского изготовления становилось все меньше, и в деревне уже началось воздержание от реализации продуктов урожая, вызванное, с одной стороны, недостатком товаров, необходимых деревне, а с другой—отсутствием в деревне нужды в деньгах, благодаря хорошим ценам на сельско-хозяйственные продукты, малым налогам и отсутствию наиболее действительного до сей поры налога,—казенной продажи водки. Деньги стали скапливаться в деревне, изымались из оборота и припрятывались не столько на черный день, сколько до времени, когда кончится война, возвратятся работники, и возможно станет производительное помещение накопленных сумм. Курс рубля внутри страны естественно заколебался и обнаружил тенденцию к падению.

Что касается заграницы, то расчеты сложились для нас весьма неблагоприятно, как в отношении товарообмена, так и по платежам иного рода. Вывоз и привоз по всем границам изменялся так (в милл. руб).

	1913	1914	1915	1916	1914—1916
Вывоз	1520	956	401	579	1936
Привоз	1374	1099	1153	2682	4934
Торговый баланс	+146	—143	—751	—2103	—2997

При таком неблагоприятном балансе и при колоссальных требованиях на иностранную валюту, при непрестанных займах заграницей, при усиленном выпуске кредитных билетов и затяжном характере войны естественно расценка рубля заграницей должна была упасть, несмотря на различные мероприятия для противодействия этому, которые принимало русское министерство финансов. Эти меры, нередко бесцельные, неумелые и до крайности робкие, обречены были на неудачу в силу об'ективных причин, выше указанных. При покупке валюты за границей рассчитываться приходилось так:

За 100 р. в Париже франков вместо 266,6, по паритету.	За 1 ф. в Лондоне рублей вместо паритета 9,45.	За 100 р. в Нью-Йорке долларов вместо паритета 51.
июль 1914—250,0	сент. 1914—11,00	октябрь 1914—48,0
апрель 1915—222,5	апрель 1915—11,47	январь 1915—42,3
январь 1916—174,0	январь 1916—16,15	январь 1916—30,0
январь 1917—171,5	январь 1917—16,25	февраль 1917—28,8

Падение курса очевидное, и притом весьма значительное.

Но так как нормальных сношений с заграницей, в сущности, не было, и народное хозяйство России было разобщено с западно-евро-

пейским, за исключением военных заказов и регулируемых с обеих сторон узко определенных торговых сношений,—то падение курса рубля за границей слабо отражалось в России, где оно затемнялось и ослаблялось целым рядом причин, в числе коих на первом месте стоит финансирование войны государством. Выпуская на свои нужды сотни миллионов и миллиарды кредитных билетов взамен обязательств, учитываемых в госуд. банке, правительство расчитывалось бумажными деньгами за предметы продовольствия и фабрикаты для армии. Сельские хозяева, фабриканты и заводчики, подрядчики и всякого рода посредники получали хорошие цены за необходимые государству товары и естественно искали помещения своим деньгам. Но частные эмиссии, т.-е. выпуск новых акций и облигаций для промышленных предприятий были стеснены и весьма ограничены. Государство хотело, чтобы накапливаемые суммы шли на приобретение тех долговых обязательств которые оно выпускало, стремясь ими собрать выпущенные кредитки и превратить свой бумажный денежный долг в обычный долгосрочный, консолидированный, или по меньшей мере, в краткосрочный нормальный долг. Поскольку удавалось размещать внутренние займы и краткосрочные обязательства среди населения в твердых руках—эта цель достигалась. Но чем далее, тем все более и более наблюдалось стремление ускользнуть от покупки облигаций, курс которых не повышается одновременно с понижением стоимости рубля (бумага с неизменным процентом), и поместить деньги в промышленные акции (за неимением нового материала в старые), курс которых этим спросом и развившейся на почве его биржевой игрой стремительно повышался. Одновременно с этим банки, разверстав между собой очередной заем, спешили заложить свои облигации или права на них в государственном банке, чтобы обратить полученные средства на финансирование военной промышленности. Таким образом Банку приходилось выпускать кредитные билеты и в целях размещения займов или во всяком случае в связи с этим размещением. В особенности это явление резко выразилось в 1917 году, но и в конце 1916 года стало уже определенно видно, что государственный кредит внутри страны иссякает, что необходимы серьезнейшие мероприятия для того, чтобы намеченный процесс финансирования войны—одинаковый в существе своем, в основе своей у всех воюющих держав—шел гладко, не останавливаясь и не извращаясь под влиянием потери у населения охоты содействовать описанному круговороту. Надо заметить, что в воздухе уже чувствовались признаки надвигающейся политической грозы, и это, разумеется, не могло не сказываться на состоянии денежного рынка, на государственном кредите и на курсе рубля.

III. Год революций (1917 год).

1917 год будет записан в истории России, как особо примечательный. В течение этого краткого периода произошло два государственных переворота: один февральский, который сверг монархию и передал управление в руки временного правительства, провозгласившего демократическую республику, и другой—в конце октября, когда власть перешла к диктатуре пролетариата, и капиталистический строй стал заменяться социалистическим. Первая революция вышла из недр войны и пыталась ее продолжать, не щадя на это ни сил, ни средств, но оказалась не в состоянии выполнить эту задачу; вторая—круто порвала с прошлым и решила, прекратив войну, дать России мир, но это ей не удалось и не удается до сего дня. В таких условиях находилось в 1917 году государственное и народное хозяйство России. Ясно, что бюджет должен был выйти из равновесия в гораздо большей степени, нежели это имело место раньше, что кредит государства и заграницей и внутри страны упал, что выпуск бумажных денег чрезвычайно увеличился, а курс рубля соответственно этому весьма понизился. Революция прорвала плотину задержанных нужд, пожеланий и требований. Широкие массы населения решили, что настало время исполнения их заветных чаяний. В силу этого от государства требовали, чтобы оно сократило рабочее время, повысило заработную плату, увеличило пайки и пособия семьям призванных, повысило содержание служащих, взяло на себя снабжение населения продовольствием, фабрик и железных дорог топливом, промышленности—кредитом. Все это чрезвычайно повышало и военные издержки, и обыкновенные расходы, в то время как налоги стали поступать очень неисправно, так как под свободой понималось право не вносить податей в казну. Обыкновенные и чрезвычайные расходы, не считая военных, в 1917 году составили 4446 милл., тогда как в 1916 г. было израсходовано всего 3152 милл. Военные издержки достигли 22—25 миллиардов, т.-е. почти столько, сколько война стоила за предыдущие $2^1/_2$ года. Ежедневные расходы на войну с 40 милл. в 1916 г. поднялись до 50, потом до 60 и пошли даже выше, так что среднее за 1917 год равно 60 или 70 милл. в день, смотря по тому, считать ли расходы в 22 или в 24 миллиарда. (И тот, и другой счет имеют известные основания, а точной цифры пока нет). К концу года, после второй революции, целый ряд милионных расходов произведен такими своеобразными способами, что учесть их с надлежащей точностью нельзя будет, вероятно, никогда. По данным об'яснительной записки и росписи на первую половину 1919 г., эти расходы составляли от 300 до 500 милл.; все же расходы и военные, и по нормальному бюджету исчисляются для 1917 г. около 30 миллиар. Для сравнения стоит отметить, что за предшествовавшие три года

(1914—1916) было истрачено на ведение войны и на мирные цели всего около 34 миллиар. Между тем обыкновенные доходы вместе с остатками от заключенных смет прежних лет и чрезвычайные, кроме выручки от кредитных операций, дали 5048 милл. Очевидно, приходилось с помощью кредитных операций добыть в течение одного года около 25 миллиар. Между тем эпоха революций мало пригодна для усиленного кредитования государства капиталистами—в особенности если дело идет о столь демократической революции, какой была февральская у нас, определенно пропитавшаяся в самом непродолжительном времени социалистическими тенденциями. От реализации внутренних займов, несмотря на все усилия и на потоки красноречия, изливавшегося устно и печатно, получено было всего 3729 миллион., меньше даже, нежели в 1916 году (в 1916 году выручено 4174 миллиона). Учет краткосрочных обязательств за границей дал опять таки меньше, чем в 1916 году, а именно, в 1916 году 3665 милл., а в 1917 году всего 2553 милл. Очевидно, приходилось усиленно учитывать краткосрочные обязательства в России. Их было учтено всего на 11 миллиардов, из коих лишь очень небольшая часть размещена на широком рынке, а в подавляющей доле они учтены в Госуд. Банке, т.-е. просто-напросто дефициты покрывались выпусками бумажных денег.

К 1 января 1918 года состояло в обращении кредитных билетов на 25461 милл., Так как к 1 января 1917 года было всего 9103, то стало быть за 1917 г. выпущено 16358 миллионов. Эта цифра, прежде всего, не сходится с количеством учтенных обязательств, превосходя их на 6 миллиардов. Но столь странное обстоятельство об'ясняется тем, что после октябрьского переворота кредитные билеты выпускались без соблюдения формальностей, т.-е. без издания законов о расширении эмиссионного права Банка и без обеспечения выпусков обязательствами государственного казначейства (впоследствии образован был книговой долг казначейства Банку). Сама по себе сумма выпуска поражает величиной. За $2^1/_2$ года войны до 1917 г. было выпущено на 7471 милл., а за один интересующий нас год на 16.358 милл , т.-е. почти впятеро больше, нежели в 1916 году. Средний ежемесячный выпуск в 1916 году составлял всего 290 милл., в 1917 г. он поднялся до 1363 милл.

В сущности говоря, в 1917 г. надо различать три периода: первый—включающий январь и февраль, когда старый порядок доживал последние дни, и когда дела шли хотя и под гору, как вообще с конца 1916 г., но все-таки еще медленным темпом; второй с марта по конец октября,—восемь месяцев режима временного правительства—и наконец, третий период—два месяца перехода на советские порядки,—время, заполненное борьбой, прошедшее в хаосе и угаре, беспорядочное и безотчетное в деле финансового хозяйства.

~~233~~ ГОСБАНКА 332 Р-88

Временное правительство хорошо сознавало необходимость сократить расходы, поднять поступления и введением бюджетного равновесия улучшить падающий кредит. Оно ясно видело гибельные результаты неумеренного выпуска бумажных денег. Для упорядочения дела намечены были планы налоговых реформ, причем началось в духе требования времени с усиленного повышения обложения состоятельных классов. Подоходный налог, который начал действовать с 1917 года (закон 6 апреля 1916 г,) постановлением временного правительства от 12 июня 1917 г. был увеличен так, что оклады его подняты от 2 до 2½ раз, и на высоких ступенях дохода ставки доведены до 30% дохода. Вместе с тем был установлен единовременный подоходный налог для доходов свыше 10.000 рублей, с льготами для доходов не от имущества, если они не превышают 50000 рублей, со ставками, равными на высших ступенях обыкновенному подоходному налогу. Далее, был существенно изменен и обострен налог на прирост прибыли в торгово-промышленных предприятиях и на увеличение вознаграждения за личные промысловые занятия. Затем намечалась реорганизация налога с наследств, разрабатывался проэкт поимущественного сбора. Прямые налоги, благодаря этим мерам, должны были дать в 1917 году более на 900 миллионов, в 1918 г. на 1000 милл. слишком.

Что касается косвенных налогов, то осуществлено было повышение акциза на табак, проведена сахарная монополия (оптовая торговля) и намечены: повышение нефтяного обложения, введение налогов на ткани, и на соль, увеличение сборов с вина и пива, а также следующие монополии оптовой торговли: чайная, спичечная, табачная, (махорка). Итог здесь намечался в один—полтора миллиарда. Если прибавить к этому еще некоторые другие предположенные повышения, то можно считать общую сумму добавочных регулярных доходов казны от налогов в 2—3 миллиарда, что равносильно было бы оплате 40—60 миллиардов государственного долга. Имея в виду поднятие дохода от таких предприятий, как леса, казенные оброчные статьи, железные дороги, почта и т. д., можно утверждать, что если бы эта программа была осуществлена, то платежи по государственному долгу были бы обеспечены. А если так, то кредит России вновь поднялся бы, и удалось бы получить за границей новые ссуды, в которых стали уже отказывать.

4191

К сожалению, план этот не осуществился. Во-первых, и самое главное октябрьская революция помешала проведению указанных проектов. Во-вторых, следует признать, что расходы государства не только не уменьшались, но обнаруживали все большую и большую тенденцию к возрастанию, причем сила сопротивления правительства ослабевала поднапором снизу, откуда пред'являли все более значительные

~~9050~~ 13542

и более резкие требования. Затем прямые налоги доведены были до такой высоты, что предприниматель лишался стимула к работе: прибыль его, вообще, становилась в 1917 г. весьма умеренной по недостатку сырья, по плохому состоянию транспорта, по невозможности наладить отношения с рабочими, по постоянному вмешательству правительства в хозяйственную жизнь, по сокращению кредита в банках и т. д. Но и то, что оставалось, почти целиком поглащалось государством с помощью поистине непомерных прямых сборов, которые введены были в 1917 году. К концу периода на очередь стал даже вопрос о смягчении этого податного бремени.

Что касается косвенных налогов в той или иной форме, то сперва их боялись выдвигать по политическим соображениям, как непопулярные, а когда решено было провести их в жизнь, то оказались, что уже поздно, ибо пробил час временного правительства.

В области кредита внутри страны многое было испорчено чрезмерным обложением банков и промышленности, односторонним поощрением и защитой групповых и временных интересов рабочих, чрезмерным регулированием ряда отраслей торговли и промышленности. Нельзя одновременно лишать состоятельные классы предпринимателей их руководящей роли в хозяйственной жизни, их выгод и ждать от них услуг по части поддержания государственного кредита. Естественно, что в это тревожное время частные банки взятые ими по разверстке облигации займов немедленно закладывали в государственном банке, а когда на них возлагали кредитование государственных операций по снабжению продовольствием и топливом, они брались за это лишь под условием расширения предоставленных им кредитов в Государственном банке, да и то крайне неохотно, и только под особым давлением.

За границей видели, что Россия становится все менее и менее боеспособной, затягиваясь в революционный смерч все сильнее. Естественно, что там закрыли кассу, откуда снабжали нас громадными суммами—впредь до лучших дней, на которые тогда надеялись еще. Народное хозяйство переживало полосу значительного расстройства. Промышленность страдала острым недостатком средств и искала кредита у государства. Сельское хозяйство и связанные с ним отрасли были стеснены хлебной монополией и продовольственной политикой, не говоря уже об аграрных недоразумениях и аграрных проектах. Торговля хлебом, углем и другими продуктами требовала от государства, взявшего эти задачи на себя, сотен миллионов. И тогда уже продовольственное дело поглащало деньги, не возвращая их обратно. Сахарная промышленность вынуждена была просить субсидий у пра-

вительства, а правительство вынуждено было согласиться на кредитование. На очереди стояли, сверх того, хлопчатобумажная и металлообрабатывающая отрасли.

Городские самоуправления не могли изыскать средств, сколько нибудь соответствовавших непомерным расходам, ни в сфере налогов, которых платить население не желало, ни в области кредита, который изсяк. Опять таки и здесь пришлось государству заняться выдачей ссуд даже таким центрам, как Москва, Петроград, не говоря о мелких городах и о земствах.

Все это падало в конце-концов на злосчастный печатный станок, изделия которого, однако, по мере увеличения их количества в обращении и по мере усиления разрухи—политической, экономической и финансовой—неизбежно обесценивались. А это приводило к тому, что их требовалось все больше и больше. Бумажных денег к 25 октября 1917 года было в обращении на18.917 милл.рублей. С 1 января 1917 г. было выпущено 9814 милл. Из них в январе и феврале 846 милл., т.-е. по 423 милл., в среднем, в месяц, а за остальное время почти по 1160 милл. в месяц.

Падение курса рубля за-границей было неизбежным, и хотя колебания курсов шли скачками, но в совершенно определенном направлении, с явным и быстрым уклоном вниз.

О тех двух последних месяцах 1917 г., которые прошли при советской власти, многого не скажешь. Они были вступлением и подготовкой к тому, что имело место в 1918 и 1919 годах. К тому же, никакого порядка в хозяйстве государства тогда не было: отчетность не велась, сведения не публиковались, и лишь впоследствии из этого хаоса кое-что было извлечено, хотя далеко еще не в полном и не в точном виде. Можно только отметить, что расходы сразу возросли до чрезвычайности, налоги перестали поступать почти вовсе (в ноябре и декабре за два месяца—160 милл.), кредит прекратился, а бумажных денег было выпущено за $2^1/_4$ месяца на 6.544 милл., то есть по 2908 милл. в месяц, тогда как при временном правительстве выпускалось, как выше указано, по 1.160 милл., а в январе и феврале того же года по 423 милл.

В заключение этой главы приведем следующую таблицу колебаний курса русского рубля на нейтральном шведском рынке за время от начала войны до конца 1917 года. Здесь расценка происходила вне влияний дружественной атмосферы Франции и Англии и потому она более правильна, хотя и тут были свои местные воздействия на курс.

Давали крон за 100 рублей в Стокгольме, причем прибавка (+) или понижение (—) составляли в % к паритету.

Месяцы.	1914		1915		1916		1917	
	Курс.	Прибавка или понижение.	Курс.	Прибавка или понижение.	Курс.	Прибавка или понижение.	Курс.	Прибавка или понижение.
Янв.	191.98	—0.01	170.00	—11.46	108.63	—43.42	100.20	—47.81
Фев.	192.29	+0.15	176.53	— 8.06	111.73	—41.81	97.88	—49.01
Март.	191.98	—0.01	174.43	— 9.15	111.80	—41.77	95.65	—50.18
Апр.	191.89	—0.06	168.67	—12.5	106.17	—44.70	94.87	—50.59
Май	191.36	—0.33	157.53	—17.95	102.00	—46.87	83.50	—56.51
Июнь	191.00	—0.52	147.27	—23.30	104.73	—45.45	79.00	—58.85
Июль	190.61	—0.72	136.88	—28.71	108.67	—43.40	71.18	—62.93
Авг.	186.40	—2.92	131.83	—31.54	108.00	—43.75	64.70	—66.30
Сент.	189.40	—1.35	133.53	—30.45	115.50	—39.84	47.90	—75.05
Окт.	185.80	—3.23	129.58	—32.51	111.33	—42.02	40.15	—79.09
Нояб.	178.53	—7.02	120.63	—37.17	106.28	—44.65	35.00	—84.77
Декаб.	171.30	—10.78	113.90	—40.68	101.75	—47.01	43.73	—77.22

Из этих цифр видно, что в начале 1914 года разница в расценке рубля была ничтожной, составляя сотые доли процента. Тревожное положение дел в Европе дает себя знать в мае, июне и июле, когда курс понижается на несколько десятых процента. Август—месяц, когда началась война: курс сразу падает на 3% почти. К концу года понижение достигло около 11%. В начале 1915 года понижение несколько замедляется (в феврале и марте,) затем идет довольно быстро и достигает к концу года 41%. В 1916 году этот процесс, как-будто, почти останавливается: падение курса колеблется между 40 и 47%. Но в 1917 г. оно зато принимает стремительный темп: если вместо 192 приблизительно крон по паритету в январе этого года давали 100 и 98, а процент падения курса составлял 48 и 49, если в марте и апреле падение курса было невелико (характер нашего политическаго переворота еще не выяснился), то в последующие месяцы падение идет угрожающе быстро, причем максимум достигается в ноябре, после победы советской власти, когда за 100 руб. давали всего 35 крон, то есть падение равнялось 85%, и из рубля оставалось только 15% его ценности. В декабре имело место некоторое повышение, но в сущности небольшое—до 44 крон за 100 р. или до 23% паритета.

IV. Финансы коммунистической республики.

История финансов не знает другого периода, когда государственное хозяйство в течение $1^1/_2$ лет велось бы в условиях перестройки народного хозяйства на началах так или иначе понимаемого социализма. России пришлось дать пример своеобразного коммунистического государства, которое пытается перевести если не все народное хозяйство, то наиболее значительные области его в сферу финансов, то есть правительственного управления и заведывания. Конечно, дело это еще далеко не завершено, процесс перестройки еще в полном разгаре. Тем не менее финансы России в 1918—1919 годах дают не только картину расстроенного и в конец развалившегося государственного хозяйства, как обычно было в других странах в эпохи революции, но и отражают попытки коренных преобразований в той подпочве, из которой вырастает финансовое хозяйство, — в условиях и существе народного хозяйства, в основах частной экономической деятельности. Само собой понятно, что при национализации всех более или менее крупных предприятий, всех отраслей промышленности и торговли, при огосударствлении транспорта и банкового дела, при упразднении помещичьего сельского хозяйства, при конфискации земель, домов, капиталов, фабрик и заводов, прежняя система получения доходов государством становится невозможной, прежние расходы осложняются и видоизменяются громадными новыми. Налоговый характер бюджета, столь характерный для финансов капиталистических стран, покоящихся на основе частной собственности и частного распоряжения доходами, теряет смысл при новых условиях. Теперь на смену ему должен явиться бюджет государственных предприятий. Эти последние сливаются с предприятиями народными. Экономика и финансы перестают быть раз'единенными: весь народный доход и весь народный расход составляют баланс единого хозяйственного целого, которое представляет собою социалистическое государство. К этой цели направляется наше государственное хозяйство за последние полтора года, переживая на пути весьма интересные этапы, чреватые громадной важности последствиями для всей будущей финансовой и экономической жизни России.

Первые месяцы нового строя—конец 1917 г., как уже отмечено, прошли в хаосе борьбы. Тогда расходы производились по мере надобности, без смет, без оправдательных документов, а доходы собирались, где и как попало. Но затем, в 1918 году, уже составляются росписи, которым придан полугодовой характер. Первая роспись, с об'яснительной запиской, опубликована лишь в начале июля, то есть как раз по истечении того полугодия, на которое предназначалась. Роспись на вторую половину 1918 года появилась в ноябре, третий бюджет социалистической эры составлен тоже не очень своевременно: предназначенный на январь—июнь 1919 года, он утвержден в

конце мая того же года. Справедливость требует отметить однако, что каждая из последующих росписей производит с внешней стороны лучшее впечатление, чем предыдущая: данные более проверены, пояснения более обстоятельны и, наконец, последний бюджет приближается уже и по об'ему и по тщательности разработки к прежним росписям, намечая в то же время переход к новым приемам исчисления доходов, более соответствующим современным условиям.

К сожалению, внутреннее содержание бюджета, результаты хозяйства становятся не лучше, а хуже: несоответствие между доходами и расходами все увеличивается, и растрата капитала, небольших накопленных народом богатств, идет с катастрофической быстротой. Это видно из следующей таблицы, содержащей сравнение доходов и расходов за три полугодия по росписям (в милл. р.).

	1918 г. Январь—июнь.	1918 г. Июль—декабрь.	1919 г. Январь—июнь.	Итого за 1½ года.
Доходы	2,853	12,727	20,350	35,930
Расходы	17,6 3	29,103	50,703	97.409
Дефициты	14,750	16,376	30,353	61,479

Обращаясь к рассмотрению доходной сметы, видим, что она изменялас в направлении увеличения еще быстрее, нежели расходная. Затем, если взглянуть на состав доходов государства, нельзя не заметить коренной перестройки бюджета, произведенной за это краткое время. Следующие данные о важнейших видах поступлений подтверждают это заключение (в милл. р).

I. Государственные налоги:	1918 г. Январь—июнь.	% к общему итогу доходов.	1918 г. Июль-декабрь,	% к общему итогу доходов.	1919 г. Январь—июнь.	% к общему итогу доходов.
Прямые	368,0	12,9	10366,9	81,5	1732,0	8,5
Косвенные	410,2	14,4	393,3	3,1	2572,2	12,6
Пошлины	175,7	6,2	120,0	0,9	97,9	0,5
Итого	953,9	33,5	10880,2	85,5	4402,1	21,6
II. Доходы с казенных имуществ и предприятий:						
По снабжению населения продовольствием . . .	—	—	—	—	6500,0	31,9
Национализиров. промышленные предприятия . .	—	—	12,0	0,1	5812,1	28,6
Железные дороги	638,7	22,4	429,7	3,4	894,0	4,4
Прочие казенные имущества	306,0	10,7	608,7	4,7	1583,2	7,8
Казенная сахарная операция.	582,6	20,4	583,8	4,5	493,4	2,4
Прочие правительственные регалии	306,8	10,7	167,3	1,3	317,2	1,6
Итого	1834,1	64,2	1801,5	14,1	15599,9	76,7
Всего. . . .	2788,0	97,7	12681,7	99,6	20002,0	98,3

Таким образом, налоги, составлявшие в первое полугодие около $^1/_3$ доходного бюджета, во второе давали почти 86%, а в третье 22%, то есть менее $^1/_4$. Обратно — казенные имущества и предприятия в первое полугодие составляли 64% доходной сметы, во второе—14%, а в третье—77%, то есть колебались между $^2/_3$, $^1/_7$ и $^3/_4$ поступлений.

Среди предприятий имели место коренные перемены: прежде всего, лишь в 1919 году появились в бюджете поступления по операции снабжения населения продовольствием и предметами первой необходимости, сразу составившие 32% росписи и тоже, в сущности, впервые предположены доходы от национализированных промышленных предприятий в размере 29% всех доходов (во второй половине 1918 г. всего 12 милл.). Об'ясняется это тем, что до нынешнего года и продовольственное ведомство, и национализированные предприятия свои доходы обращали на покрытие собственных расходов, держали их у себя в обороте и хранили на своем текущем счете, не внося в казначейство и нарушая тем единство кассы. Существование у государства ряда крупных предприятий и проведение им чрез свои руки продовольственной операции отражались в расходном бюджете, куда заносились ассигнования на покрытие дефицитов по содержанию этих предприятий.

В группе налогов происходили не менее сильные колебания между прямыми и косвенными сборами: первые давали последовательно: 13%, 81% и 8%, вторые 14%, 3% и 13%. Что касается прямых налогов, то на колебания их суммы повлияло во второй половине 1918 г. установление чрезвычайного сбора, от котораго ждали 10 миллиардов, а о росписи текущего полугодия надо заметить, что в нее записано 850 милл. натурального налога с сельских хозяев и 300 милл. от 5% сбора с оборота по торговле предметами потребления. Косвенные налоги исчислены в необычайно большой сумме в росписи 1919 г. потому, что вводится доход от начислений в пользу государства в размере 2250 милл. р. Начисления намечены по следующим важнейшим товарам: хлопчатобумажные ткани—330 милл. (прибавка к ценам в пользу государства 25%; на запасы прибавляется 120%), шерстяные и суконные изделия—300 милл. (прибавка 50%), шелковые ткани 585 милл. (прибавка 150%), обувь—224 милл. (прибавка 40%), керосин—160 милл. (прибавка 40%), сахар—480 милл. (твердая цена 5 р., начисление—8 р.) и т. д.

В действительности, поступление доходов весьма отличалось от предположений. Вместо 2853 милл., за первое полугодие 1918 года собрано всего 1127 милл. Не считая доходов от железнодорожных сборов, наблюдается следующая картина поступлений по месяцам, дающая в сравнении с 1917 г. значительно меньшую цифру в итоге, несмотря на весьма значительное уменьшение стоимости денег, введение новых сборов (на 161 милл.) и предположение, что в 1918 г. поступит более, нежели в первое полугодие 1917 г.

	1918 г.	1917 г.
Январь	101	223
Февраль	66	121
Март	135	113
Апрель	151	132
Май	128	178
Июнь	147	195
Итого	728	962

Во второй половине 1918 года наблюдалась та же картина. Чрезвычайный налогъ дал всего около 200 милл. вместо 10.000 милл. Правда, он был введен очень поздно, и осуществление его затянулось, но, кстати сказать, и до сего дня, то-есть до половины июня 1919 г., получено от указанного сбора лишь 900 милл., и нет надежды на то, что он превысит 1000 милл., из коих значительная часть бухгалтерским путем списана с текущих счетов (около трети).

Поступило доходов, вместо 12.727 милл. р., не считая железнодорожных доходов (они намечены были в 430 милл.), всего 956 милл., то-есть, если даже считать, что железнодорожные доходы поступили полностью, около 12% предположенного. Исчисления доходов 1919 г. точно также страдают малой надежностью. Прежде всего натуральный налог с сельских хозяев, определенный в 850 милл. р. (в денежной форме) приостановлен и так видоизменен под влиянием стремления щадить середняка-крестьянина, что вряд ли он даст крупные поступления. 5% сбор с оборота по торговле предметами личного потребления и домашнего обихода (декреты 10 апреля и 26 августа 1918 г.) исчисленный в 300 милл. р., отменен 25 марта 1919 г. в виду издания декрета о потребительских коммунах и упразднения частной торговли. Доход от начислений, в сущности, означает высокий акциз на предметы первой необходимости, напоминая худшие времена классового законодательства в области финансов в Англии, в начале 19 века, когда свирепствовала эта система: удорожание хлопчато-бумажных тканей, ниток, обуви, керосина, мыла, бумаги, соли, табаку, спичек, сахара, свечей, галош, резиновой подошвы, гвоздей, железа и сельско-хозяйственных орудий составляет 25, 40, 60 и даже 80% (свечи, гвозди, галоши, железо, сельско-хозяйственные орудия и машины). К тому же, количество изделий определено, повидимому, слишком широко, и можно опасаться, что начислений не будет получено на предположенную сумму. Будут ли внесены продовольственным ведомством и национализированными предприятиями те 12 миллиардов слишком, которые стоят в росписи, в этом также позволительно усумниться: постановка продовольственных монополий такова, что они только поглощают громадные суммы, не имея ни надлежащей отчетности, ни правильного финансового хозяйства; национализированные же предприятия за недостатком топлива, сырья и рабочих рук либо вовсе закрываются, либо сокращают свое производство.

Таким образом доходы за $1^1/_2$ года, интересующие нас, вряд ли превысят 20 миллиардов, вместо предположенных 35. Но даже, если бы наши расчеты не оправдались и получено было бы 25—30 миллиардов, то и тогда, по сравнению с расходами в 97 миллиардов за то же время, это очень и очень недостаточная сумма.

Обращаясь к расходам коммунистической советской республики, мы не можем не поразиться их необычайной величиной и громадным ростом. Если взять обыкновенные и чрезвычайные расходы, вместе с военными, то получим следующую картину (в милл. руб.).

1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919 (полг.)
3 383	4.859	11 562	18.101	27.607	46 706	50.703

На какие же цели тратит современное государство столь громадные суммы, все возрастающие и доходящие до того, что на одно последнее полугодие требуется более, чем на весь предыдущий год. Прежде всего, в особенности, по отношению к бюджету 1919 года, надо указать на оборотный характер многих издержек, которые должны возмещаться. Таковы расходы по предприятиям, которым должны бы соответствовать доходные статьи.

Продовольственная операция при доходе в 6.501 милл. вызывает в первое полугодие расходов на 8.153 милл., причем вторая цифра весьма реальна, а первая сомнительна.

Национализированные предприятия входили в бюджет первой половины 1918 г. в виде предполагаемого превышения расходов предприятий над доходами в размере 2.000 милл. р. плюс 15 милл. на административные расходы Высшего Совета Народного Хозяйства. На второе полугодие доходов от предприятий не внесено, а расходы определены полностью в 2905 милл. По последней росписи доходы исчислены от национализированных предприятий в 5.804 милл., а расходы в 8.961 милл.

По железнодорожному хозяйству наблюдаются также очень большие превышения расходов над доходами, что видно из следующей таблицы, исчисленной в милл. р.

По росписям.	Доходов.	Расходов.	Превышение расходов над доходами.
Январь—июнь 1918 г.	731	3589	2858
Июль—декабрь »	490	3980	3490
Январь—июнь 1919 г.	923	5073	4150
Итого.	2144	12642	10498

Национализированный речной и морской флот дает следующую финансовую картину (в милл. р.):

Январь—июль 1918 г.	257	609	352
Июль—декабрь »	303	569	266
Январь—июнь 1919 г.	302	559	257
Итого.	862	1737	875

Почта, телеграф и телефон тоже приносят значительные убытки, что видно из следующих данных (в милл. р.):

Январь—июнь 1918 г.	209	361	152
Июль—декабрь »	115	498	383
Январь—июнь 1919 г.	61	573	512
Итого.	385	1432	1047

Казенные издания составляют новую статью довольно существенных дефицитов, особенно возросшую в первое полугодие 1919 г., как свидетельствуют цифры (в милл. р.):

Январь—июнь 1918 г.	—	26	26
Июль—декабрь »	33	64	31
Январь—июнь 1919 г	410	512	102
Итого.	443	602	159

По лесной операции результаты были также неблагоприятны. Исчислено было (в милл. р.):

По росписям.	Доходов.	Расходов.	Превышение расходов над доходами.
Январь—июнь 1918 г.....	40	91	51
Июль—декабрь »	164	168	4
Январь—июнь 1919 г.....	164	223	59
Итого.....	368	482	114

Доходными были сахарная и спиртовая монополии (спирт на технические надобности) при чем последняя дала за три последних полугодия 124 милл. прибыли, а обороты по сахарной операции слагались так по росписям (в милл. р.):

			Привышение доходов над расходами.
Январь—июнь 1918 г.....	583	472	111
Июль—декабрь »	584	363	221
Январь—июнь 1919 г.....	493	344	149
Итого.....	1660	1179	481

Общие итоги операционных статей, включая не упомянутые выше небольшие предприятия, слагался следующим образом по последним росписям (в милл. р.):

			Превышение расходов над доходами.
Январь—июнь 1918 г.....	2015	8577	6562
Июль—декабрь »	1773	11739	9966
Январь—июнь 1919 г.....	14930	24665	9735
Итого.....	18718	44981	26263

Из этих данных видно, во первых, что колоссальные расходы в 50 миллиардов, исчисленные на одно полугодие текущего года, в действительности, на 15 миллиардов носят оборотный характер, что, конечно, несколько уменьшает их грозное значение, но отнюдь не перестает страшить, так как и 35 миллиардов на полгода это—колоссальная, невиданная сумма. Из этих 35 миллиардов—десять составляют дефицит по предприятиям государства. Отсюда следует второй вывод, а именно: национализированные предприятия работают все еще с громадным убытком. Что даст в будущем опыт превращения частного хозяйства чуть ли не полностью, за исключением мелкого сельского хозяйства и кустарных промыслов, в казенное, насчет этого можно гадать различно. Но пока несомненны весьма плачевные результаты, сводящиеся за 1½ года к 26 миллиардам убытка.

Вслед за операционными расходами идут издержки на оборону государства. Война, о прекращении которой столько говорилось пред октябрьским переворотом и в первые месяцы после него, вовсе не прекратилась, а, наоборот, усилилась и распространилась, разлилась по всему организму России, как заразное начало. Естественно, что и военные расходы ростут чрезвычайно усиленно. По росписям исчислено на эту потребность: на январь—июнь 1918 г.—5371 милл., на июль—декабрь того же года—9762 милл., на первую половину 1919г.—12671

милл., итого 27.804 милл. Стало быть, из общей суммы не операционных расходов в 26 миллиардов около половины предназначалось в 1919 году на военное дело, а за 1½ года после превозглашения мира на земле и братства народов истрачено на войну около 28 миллиардов.

В сущности, сюда же надо отнести расходы на обеспечение семейств красноармейцев, записанные в смету комиссариата социального обеспечения в размере 1.000 милл. на последнее полугодие.

Большое увеличение вызвали расходы на народное просвещение: в первое полугодие 1918 года отпущено 541 милл., во второе—2452 милл., на январь—июнь 1919 г. назначено 3888 милл.,— всего около 7 миллиардов. Что получено взамен—известно всем и каждому: и высшие, и средние, и низшие учебные заведения почти перестали работать, а учащиеся почти перестали учиться. Очевидно, что несмотря на большие затраты, просвещение не расцветает, и даже щедрое ассигнование на пособия учащимся, в размере 500 милл. на полгода, не помогает делу.

Очень крупный бюджетной статьей являются расходы комитета государственных сооружений. На первое полугодие 1918 г. было назначено 416 милл., на второе—1002 милл., на январь—июнь 1919 г.—1453 милл. Как—в переживаемых условиях отсутствия железа, топлива, машин, транспорта, когда приходится снимать рельсы со вторых путей на железных дорогах—можно будет осуществить строительные задачи столь грандиозного масштаба—это секрет Комитета. Надо думать, что он ограничится, как это и было до сих пор, соружением планов и проэктов.

Вообще, следует заметить, что охваченные преобразовательными порывами ведомства жадно запрашивают кредиты в размерах, значительно превышающих их потребности и возможности, оставляя затем очень крупные суммы вовсе неизрасходованными. Это полезно для финансов по существу, но, с другой стороны, излишне вздувает расходные сметы и увеличивает дефицит в предположениях, превращая, в сущности, роспись в необоснованный и недостоверный план хозяйства, далеко расходящийся с действительным исполнением. Так, на первое полугодие 1918 года было назначено 17603 милл., да перенесено остатков из кредитов 1917 года на 3000 милл. Итого подлежало расходованию 20603 милл. В действительности, за этот период израсходовано немного более одной трети—7268 милл., причем высший совет народного хозяйства и фонд национализированных предприятий истратили только 48% ассигнований, народный комиссарит внутренних дел только 13%, народный комиссариат почт и телеграфов—41%, путей сообщений—35%, комиссариат земледелия—23%, комиссариаты по военыым и морским делам из ассигнованной им суммы в 8515 милл. истратили всего 1298 или 15% сметы.

За вторую половину 1918 года имеются сведения только по центральной расходной кассе. Процент неизрасходованных и неистребованных отсюда на места кредитов составлял к общему итогу каждого ведомства от 15 до 82%, а к итогу сумм, оставленных по каждому ведомству на счетах центральной кассы, от 22% до 75 %. Народный комиссариат по военным делам из 9688 милл. ассигнований, а с прибавкой сверхсметных кредитов—10539 милл., не успел истратить 5314 милл., то есть 55% об-

щего ассигнования и 50% сумм, оставленных на счетах центральной кассы.

Суммируя сказанное выше и делая выводы, мы должны сказать, что чрезвычайный рост государственных расходов вызывается, прежде всего, военными действиями, непрекращающимися и внешней, и внутренней войнами; затем, государственные предприятия ведутся так, что доходы по ним недостаточны, расходы же чрезмерны, а между тем государство все расширяет сферу своей экономической деятельности; в соответствии с этим идет чрезвычайное увеличение количества служащих в различных ведомствах *); далее, надо отметить излишние требования ведомств на ассигнования; наконец, чрезмерный выпуск кредитных билетов, а также и недостаток товаров в силу гражданской войны и других причин, приводят к катастрофическому повышению цен и, стало быть, расходов государства на жалованье и на приобретение необходимых продуктов и изделий. Если прибавить к этому перечислению указание на слабое поступление доходов, вызванное главным образом уничтожением важнейших налоговых источников и слабой производительностью национализированных предприятий, то мы будем иметь достаточные об'яснения тех громадных дефицитов, которые накопило коммунистическое правительство за полтора года своего хозяйства.

Дефициты эти возрастали по полугодиям с 14750 милл. до 16376 и 30353 милл. р.,—за полтора года почти 61½ миллиарда. Это приблизительно столько, сколько составляли *все расходы* за 4 предшествующие года (62 миллиарда), причем им соответствовали обыкновенные доходы лишь в 15 миллиардов. Дефицит за эти годы достиг 47 приблизительно миллиардов, значительная часть коих была получена путем займов: с 1914 г. до октябрьской революции внутренними займами выручено 10640 милл., внешними до 8 миллиардов, и выпущено кредитных билетов на 17 миллиардов с небольшим. Между тем современное коммунистическое правительство отрицает государственный кредит: оно аннулировало займы, ранее заключенные, и естественно не может, да и не хочет использовать долгосрочный кредит в качестве источника для приведения в равновесие государственного бюджета. Остается выпуск бумажных денег, который теперь совершается не путем учета обязательств государственного казначейства в государственном банке, а с помощью простой записи задолженности казны Банку в сумме книгового 5% долга.

Таким образом оказывается, что государственное хозяйство наше, как на основном фундаменте, покоится на бумажных деньгах. Здесь главный источник покрытия небывалых расходов, здесь сокровищница, из которой черпают неустанно и беззаботно. Посмотрим же, в каком состоянии находилось наше денежное обращение в последние полтора года, и какие перспективы рисуются в этой области на будущее время для русского народного хозяйства в целом и для отдельных групп населения, в частности.

---

*) Число служащих в учреждениях к началу 1919 г. возросло, по неполным данным втрое против 1917 г., несмотря на сокращение территории, а с нею количества учреждений, и более, чем вдвое против 1918 г. Денежные ассигнования определились на первое полугодие 1918 г. в 839 милл., во второе—в 944 милл., а в январе—июне 1919 г. в 3671 милл.

К 23 октября, как выше было указано, количество кредитных билетов в обращении составляло 18.917 милл. р., к 1 января 1918 г. насчитывалось в обращении на 25.461 милл., т.-е. за 2¼ месяца выпущено 6.544 милл. или по 2.908 милл. в месяц.

Прежде чем перейти к дальнейшим цифровым данным, необходимо отметить, что прежний порядок публикования еженедельного баланса государственного банка теперь оставлен, и сведения о количестве кредитных билетов приходится получать лишь из сообщений, появляющихся в газетах, и из других полуофициальных источников. После баланса на 23 октября известен только один официальный документ о состоянии счетов Народного банка—к 1 января 1918 г., опубликованный в «Экономической Жизни» от 17 января 1919 г. В том же номере газеты даны и цифры выпущенных за 1918 г. кредитных билетов по месяцам. Эти цифры мы приводим ниже:

	Выпущено.	Состоит в конце месяца в народном обращении.
В январе	2736 милл.	28197 милл.
» феврале	1381 »	29578 »
» марте	2716 »	32294 »
» апреле	2732 »	35026 »
» мае	2375 »	37401 »
» июне	1721 »	39122 »
» июле	2042 »	41164 »
» августе	2455 »	43619 »
» сентябре	2270 »	45889 »
» октябре	3353 »	49242 »
» ноябре	3067 »	52309 »
» декабре	2960 »	55269 »

По сведениям, имеющим характер наиболее достоверных, в январе—марте ежемесячный выпуск составлял по 6 миллиардов. Пропорция эта увеличалась значительно за последнее время; но, считая лиш по 6 миллиардов, за 6 месяцев текущего года выпущено еще 36 миллиардов, что с прежними 55 составит 91 миллиард. В этот счет не вошли еще местные деньги и разного рода суррогаты, вроде купонов, сторублевых облигаций Займа Свободы и т. д. Таким образом за последние 1½ года выпуск составляет около 70 миллиардов.

О количестве золота, обеспечивающего этот океан бумажных денег, говорить не приходится. Заграничное „золото", конечно, уже взято назад нашим кредитором—Англией, которая в сущности под этим именем открыла нам в свое время кредит в Английском банке. Из того запаса, который был в России, часть ушла в Германию, в виде уплаты доли контрибуции (более 100 милл.), значительное количество попало в руки чехословаков и затем, повидимому, осталось в Сибири (около 700 милл.). А так как по балансу Народного Банка на 1 января 1918 г. золота в монете, слитках и ассигновках было на 1289 милл., то стало-быть в настоящее время осталось никак не более 400—450 милл. р. Конечно, обеспечить 90 или 100 миллиард. бумажных денег 400 милл. золотого запаса, т.-е. 0 5%, невозможно.

Но чем же иным мог бы быть обеспечен курс бумажных денег, когда усиленный выпуск их свидетельствует об отсутствии нормальных источников государственного дохода, о развале всей экономической и социальной жизни народа?

Естественно, что курс рубля должен был падать. В сущности, о курсе говорить не приходится ни внутри страны, ни заграницей. Рубль перестал быть устойчивой величиной. Официальные котировки чека на рубль на Стокгольмском рынке прекратились с начала 1918 г. С этого времени сделки на рубли имели предметом особый товар, наличные деньги, причем старые бумажки, „царские", расценивались выше на 20—30% (с лета 1918 г.), нежели «думские» (здесь имеют хождение купюры в 100 р., 500 р. и 250 р., в 20 и 40 р. не идут). Частные курсы нередко претерпевают даже в течение дня сильные колебания: русские деньги—это не биржевой товар больше, и цены на него зависят от места, времени, продавца и покупателя, а также от снабжения рынка товаром. Отметки банков, заинтересованных игрою на рубль, представляют все-таки известный интерес, и мы их приведем на первое число каждого месяца, на которое имеются данные.

За 100 р. при паритете в 192 давали в январе 1917 г.—100 крон, в сентябре 48, в ноябре 35, в декабре—44. В 1918 году:

Январь	70	Август	53
Февраль	77	Сентябрь	54
Март	85	Октябрь	50
Апрель	85	Ноябрь	68
Май	84	4 декабря	52
Июнь (12)	67	20 »	50
Июль	55		

Систематических сведений о курсе рубля в 1919 году у нас нет. Корреспондент кооперативного комитета по внешней торговле сообщает данные из которых видно, что 1 февраля давали за 100 р. царскими деньгами—47,5 крон, при расчете думскими—36 крон, 15 февраля за царские 100 р.—44 кр., за думские—28 крон, 16 апреля курс стоял соответственно—24 и 18 крон, 30 апр.—27 и 20 крон. По этому расчету рубль стоит от 10 до 13 копеек.

Относительно курса рубля в России сказать что либо определенное еще труднее. В виду отсутствия в обращении золотой монеты, которая припрятана крепко накрепко, определить соотношение в расценке между бумажным рублем и золотым нельзя. Остается судить по ценам товаров, т. е. по покупной силе бумажного рубля теперь, сравнительно с той же силой золотого рубля прежде. Но это было бы верно, если-бы цены товаров терпели изменения только в зависимости от усиленного выпуска кредитных денег и соответственного обесценения их, еслибы все прочие условия производства, транспорта и торговли были более или менее равны. Ясно, что это не так. Известно, что у нас недостаток товаров, крайняя затруднительность их транспорта, совершенно небывалые формы и виды торговли, когда порядочная торговля запрещена в силу ее спекулятивности, а городское население питается в подавляющей части вовсе не казенным пайком, а

через посредство тайной торговли из под полы, осуществляемой мешечниками, уличными продавцами и вообще именно от'явленными спекулянтами. Цены на товары у нас повышаются под давлением разнообразнейших причин, вследствие чего выделить влияние понижения стоимости рубля невозможно. К тому же, цены эти крайне разнообразны в силу раз'единенности районов, и в этом отношении мы возвратились к средневековым порядкам. Для иллюстрации изложенного приведем несколько фактов и цифр. По материалам „Экономическсй жизни" можно составить любопытную таблицу движения цен на московском вольном рынке в 1914—1919 г.г. (см. стр. 31).

О разнообразии цен по местностям свидетельствуют следующие данные. По сведениям „Экономической жизни" (1919 № 99) пшеничная мука в Казани стоила 400 р., в Самаре—200—250 р., в Саратове—180 р. Ржаная мука в Казани—90—100 р. пуд, в Самаре—50—60 р., в Симбирске—75—80 р., а в Москве—600 р. Картофель во всем среднем Поволжье стоит 25 р. пуд, а в столице около 300 р.

В том же номере газеты приводятся данные, пригодные и для иллюстрации разницы цен в одном районе—между городом и деревней. Так, в Туле на базарах сало продается по 80 р. фунт, в деревнях 35—40 р., масло в городе 110 р., а в деревне 50 р., и дешевле. В Киевской губернии наблюдается тоже явление. Хлеб в Киеве стоит 15—18 р., в уезде 9—10 р. и дешевле; мука белая в Киеве 600—650 р. пуд, в уезде—500 р.; мясо в Киеве—13—14 р., в уезде 6—8 р.; масло в городе не ниже 60 р., в уезде до 30 р. фунт.; катушка ниток стоит 45—50 р.; соли и керосина нет ни в Киеве, ни в губернии. В Казани соль стоила 30 р. фунт, в Симбирске и Саратове—25 р.

Спрашивается, какую силу могут иметь исчисления стоимости рубля по ценам товаров при таких условиях? Если судить по цене муки, то с 1914 г. рубль упал в Москве в 1400—1500 раз. Избирая мерилом хлеб, находим, что рубль упал с 1914 г. в 1800 раз. Что-же он стоит? С другой стороны, судя по цене муки, надо признать, что рубль стоит в Казани вдесятеро дороже, чем в Москве, в Самаре в 10—12 раз дороже. Затем в деревне рубль оказывается вдвое дороже, нежели в губернском городе, не говоря уже о столицах. Наконец, другие товары совсем не показательны, потому что цены на них определяются, как на предметы редкости. Если хлеб в деревне дешев, то соль, нитки, сапоги, мануфактура, железо и изделия из него, керосин—страшно возросли в цене. Скот расценивается также по невероятным ценам: за корову и за лошадь в центральных губерниях надо отдать десятки тысяч. Как же расценивать стоимость рубля в деревне—по цене фабричных изделий или по стоимости хлеба? Ясно, что установить сколько нибудь точную стоимость рубля по товарам нельзя, когда нет свободного производства, свободного транспорта, свободной торговли и свободной конкуренции.

Вряд ли можно взять за руководство и заработную плату. В предприятиях хлопкобрабатывающей промышленности Московской губ., расположенных вдали от крупных центров, колебания заработной платы во время войны и революции были таковы („Экон. Жизнь" 1919 г. № 97).

ПРОДУКТЫ.	Среднее за год.			1919 г, (начало).	1919 г. (конец марта).	1919 г. (конец июня).
	1914 г.	1916 г.	1918 г.			
1) Печеный хлеб (фунт)	2½ к.	5 к.	6 р. 52 к.	12 р. 50 к.	33 р.	42—45 р.
2) Ржаная мука (пуд)	1 р. 20 „	2 р. 15 к.	264 „	550 „	1400 „	1600—1800 р.
3) Пшено (фунт)	5 к.	8½ к.	8 „ 18 „	15 „	35 „	55 р.
4) Масло сливочн. (фунт)	53 „	1 р. 12 к.	27 „ 10 „	90 „	140 „	160—180 р.
5) Мясо (фунт)	22 „	78 к.	8 „ 52 „	20 „	36 „	70—90 „
6) Селедка (штука)	25 „	—	—	—	32 „	20—50 „
7) Яйца (десяток)	25 „	50 к.	17 „	35 р.	80 „	100 р.
8) Молоко (кружка)	7 „	12 „	2 „ 48 „	8 „	10 „	12 „
9) Картофель (фунт)	2 „	3 „	1 „ 52 „	4 „	9 р. 50 к.	11—12 „
10) Соль (фунт)	5 „	—	12 „	—	23 „	30—40 „
11) Чай (фунт)	2 р. 60 к.	4 р. 80 к.	—	—	330 „	600 р.
12) Сахар песок (фунт)	12 „	—	24 р.	50 р.	100 „	120 „
13) Спички (1 коробка)	1 „	5 к.	—	—	3 „	7 „
14) Папиросы в. с. (1 коробка)	25 „	—	—		20—25 р.	40 „
15) Нитки черные	7 „	9 к.	—	—	25 р.	40 „
16) Ситец (аршин)	13 „	33 „	—	—	40 „	—
17) Сапоги	7 р. —	27 р. —	—	—	600—1500 р.	—
18) Мыло простое (фунт)	15 к.	37 „	—	—	37 р.	60 р.

Повышение цен было крайне неравномерным. Если взять среднюю цену 1914 за 100, то цена хлеба к концу июня выразится 168.000, ржаной муки—141.666, сахара—100.000, чаю—23.080, пшена—110.000, масла—32.080, молока—17.100, яиц—40.000, картофеля—60.000, соли—80.000, ситца—30.770, ниток—17.100, мыла—40.000, сапог—10.000—20.000. Бросается в глаза то, что темп увеличения цен совершенно различен по периодам: если хлеб с 1914 по 1916 год удвоился в цене, то он поднялся с 1916 до 1918 г. в 13 раз. В начале 1919 г. он уже, по сравнению с средней 1918 г., дороже почти в 20 раз, а к концу июня 1919 г. замечается повышение вновь (за полгода) в 3—4 раза. Рост цен до 1916 г. был небольшим, затем он все усиливается, и после первой революции, а в особенности, после второй становится в 1919 г. поистине катастрофическим.

	Поденная плата неквалифициров. рабочим.		Поденная плата слесарям I-го разряда.	
	В копейках.	В %% отношении к 1919 г.	В копейках.	В %% отношении к 1919 г.
С Пасхи 1914 г.	40	2,0	155	3,9
» » 1915 г.	57	2,5	160	4,0
» декабря 1915 г.	59	2,6	175	4,4
» Пасхи 1916 г.	68	3,0	200	5,0
» января 1917 г.	68	3,0	250	6,2
» Пасхи 1917 г.	112	4,9	550	13,7
» августа 1917 г.	145	6,3	575	14 4
» декабря 1917 г.	800	34,8	1950	48,7
» июля 1918 г.	1000	43,5	2050	51,2
» сентября 1918 г	1500	65,2	2650	66,2
» февраля 1919 г.	2000	100	4000	100

Из этих данных следует, что плата неквалифицированным рабочим увеличилась в 50 раз, а слесарям в 25 раз. После первой революции (к Пасхе 1917 г.) она поднялась в $2^1/_2$ раза для простых рабочих и в $3^1/_2$ для слесарей, после второй революции (с декабря 1917 г.) произошло новое увеличение: в семь раз для первой категории и в $3^1/_2$ раза для второй; наконец, к февралю 1919 г. заработная плата вновь увеличилась для простых рабочих почти втрое, а для слесарей вдвое. Значит ли это, что соответственно падал курс рубля, что он теперь равен 2—4 копейкам? Вряд ли так. В повышении заработной платы, кроме падения курса рубля, играли за это время виднейшую роль политические и социальные причины, дававшие рабочим все большую и большую роль в жизни государства и естественно приводившие к повышению заработной платы. Строгого соответствия между минимумом необходимых для существования средств и заработной платой за это время не могло быть и не было.

Тем не менее для всех ясно, что рубль обесценился и продолжает обесцениваться все более и более по мере наводнения страны бумажными деньгами. В соответствии с этим Россия несомненно разоряется. Такой вывод можно оспаривать только неопределенными ссылками на туманное, но прекрасное будущее. В об'яснительной записке к росписи на первое полугодие 1919 г. находим соответственное казенному оптимизму оправдание финансовой политики советского правительства. Автор записки ссылается в качестве обеспечения рубля на „неисчерпаемые возможности разработки колоссальных богатств, заложенных в природе страны. Эти богатства при условии надлежащим образом налаженной разработки и рационального использования способны подвести широкий и незыблемый фундамент под все произведенные выпуски денежных знаков—фундамент, более твердый и прочный, чем даже тот золотой фетиш, который считался до сего времени единственным регулирующим началом эмиссионного права и денежного обращения".

Поскольку в этих словах отражается не только обычная официальная словесность, они покоятся на глубоких заблуждениях. Во-первых, надо думать, что никто из сведущих людей не придавал зо-

лоту такого значения, о котором говорится в приведенной выдержке. Регулирующим началом денежного обращения в нормальное время является, конечно, не золото, а хозяйственная жизнь страны, пульсация экономического оборота, потребность его в денежных знаках. Золото считается только обеспечением на случай паники, бедствия, отступления от нормального порядка, и ему придается значение лишь постольку, поскольку оно является всеобщим эквивалентом, т.-е. представляет известное количество благ, произведений природы, труда и капитала. Вряд ли правильно предпочитать этим реальным ценностям естественные богатства, которые могут быть использованы только при соответственной разработке. Вместо синицы в руках это сулит журавля в небе. В особенности плохи надежды на естественные богатства, мирно спящие в недрах земли, теперь, когда мы не в состоянии управиться с тем, что уже имелось и разрабатывалось. Когда уголь донецкого бассейна лежит в шахтах или около них за невозможностью добыть его и вывести добытый, когда работы на фабриках приостанавливаются за недостатком топлива, сырья и продовольствия, когда производительность труда рабочих падает катастрофически, когда государственные предприятия дают миллиардные убытки—при таких условиях говорить об использовании неразработанных естественных богатств, ради подведения фундамента под 80—90 миллиардов выпущенных кредитных билетов, можно только в шутку.

Вот данные государственного контроля о производительности труда в области угледобывающей промышленности подмосковного бассейна. В 1916 г. угля курного добыто 42 милл. п. при среднем месячном количестве рабочих в 6954 человека и при средней выработке на одного рабочего в месяц 517 пуд. В 1917 г. выработано почти столько же, но среднее число рабочих больше на 43% (9950 чел.). В 1918 г. добыто угля 22 милл. п., т.-е. добыча сократилась на 48% по сравнению с 1916 г., а среднее месячное количество рабочих было 7962 чел., т.-е. больше чем в 1916 г. на 1000 человек, так что на одного рабочего приходилось 262 п., т.-е. почти вдвое меньше, нежели в 1916 г. Относительно производительности труда в текстильной промышленности контроль отмечает: падение в льняной промышленности выработки на веретено в час в 1918 году по сравнению с 1913 г. на 23%, а производительности рабочих на 31%; в хлопчатобумажной промышленности понижение производительности труда рабочего исчисляется в 25—30%; на суконных фабриках грубого сукна падение выработки достигает 56—59%, увеличение же количества рабочих 20—29%. Обследование типографий Москвы и Петрограда дает картину резкого падения производительности труда. Так, например, в то время, как на машинном наборе в 1915 г. наборщик набирал до 35.000 букв в день, теперь с трудом набирают 18.000 букв; на ручном наборе в 1915 г. средний наборщик набирал 8.000—8.500 букв, теперь едва набирается 4.000, а в иных типографиях эта цифра падает до 3.000 букв. При этом надо сказать, что в 1915 г. набор одной тысячи букв оплачивался в 14—25 коп., теперь он оплачивается в 13—15 руб. («Экон. Жизнь» 1919 г., № 101).

Подобного рода примерами можно было бы заполнить целую книгу. Но не стоит доказывать того, что и без того ясно и известно

каждому: работоспособность русского человека, его энергия, инициатива и возможности достижения страшно упали за время войны а в особенности, в период революции. Коммунистическое хозяйство, повидимому, в корне подрезает любовь к труду, охоту работать и необходимость работать для того, чтобы существовать. Конечно, спасение от современной разрухи в области финансов лежит в поднятии производительных сил страны и трудоспособности населения на первом месте. Но при нынешних методах хозяйства, когда никто не заинтересован лично, кровно в результате работы — добиться благоприятных результатов, повидимому, невозможно. В такой обстановке усиленный выпуск бумажных денег означает истощение, растрату всего накопленного в стране, разорение и нищету для тех, кто работал и продолжает работать.

В самом деле, если крестьянин ведет хозяйство старательно, не щадя сил, и продает излишки продуктов своего труда городу, то, не имея обычно возможности купить необходимых ему изделий, он, волей-неволей должен накоплять деньги. Но, по мере того, как государство увеличивает количество их в обращении, деньги обесцениваются, и, стало быть, тот запас их, который имеется у крестьянина, стоит все меньше и меньше. С другой стороны, если крестьянину что-либо приходится покупать, он платит за все дороже, будет ли это керосин, мануфактура, обувь, железо, сельско - хозяйственное орудие или даже скот. При таких условиях естественно пропадает охота вести свое хозяйство так, чтобы оно давало избытки, и в настоящем году приходят отовсюду из деревни вести о том, что будут обрабатывать лишь столько земли, чтобы удовлетворить потребности своего семейства. Причин тому достаточно—и обесценение рубля, и отсутствие товаров, и реквизиции, и система торговых и продовольственных монополий (отобрание в казну по твердым ценам излишков хлеба и других продуктов, нормировка цен на лен и т. д.). В результате город будет еще больше голодать и еще меньше работать, и фабрично-заводская, городская Россия, насадить которую стоило столько труда и народного пота, будет сметена даже еще до столкновения с конкурирующими товарами других стран: она просто вымрет от голода, холода и болезней.

Рабочие и служащие от падения курса рубля терпят еще больше бедствий, нежели крестьяне. Никакая заработная плата, никакое жалованье не могут поспеть за ростом цен, неизбежно вызываемым лихорадочными выпусками бумажек. Эти выпуски означают колоссальное увеличение требований и прав на ценности, количество которых вовсе не увеличивается, а, наоборот, уменьшается. В результате происходит погоня за продуктами и изделиями, доводящая их цены до недоступной величины.

В сношениях с заграницей, при покупке там товаров, Россия, в силу низкого курса рубля, должна будет переплачивать громадные суммы и, что еще хуже, отчуждать в обмен чрезвычайно большие количества сырья и продуктов питания, которые в ближайшие годы вряд ли будут у нас в особенном избытке.

Таковы неизбежные последствия той пагубной финансовой политики, которая приводит к усиленному выпуску бумажных денег и к обесценению рубля.

V. ВЫВОДЫ.

В этой, последней, главе нашей брошюры попытаемся наметит выводы, которые напрашиваются из предыдущего изложения.

1. Основной причиной падения курса рубля является чрезмерный выпуск кредитных билетов и связанное с ним чрезвычайное уменьшение обеспеченности выпущенных уже бумажных денег.

2. Усиленный выпуск денежных знаков вызывается громадными дефицитами в бюджетах государства.

3. Дефициты стали неизбежными вследствие необычайного роста расходов государства при совершенно недостаточном поступлении доходов.

4. Рост расходов об'ясняется, во-первых, тем, что война не прекращается, а все расширяется и втягивает все новые кадры людей; во-вторых, тем, что государство, пытаясь заменить частнохозяйственный аппарат, берет на себя все более и более грандиозные задачи, для осуществления которых вынуждено содержать громадные штаты служащих; в-третьих, малой производительностью государственных и национализированных предприятий, которые не только не дают прибылей, не только не покрывают своих издержек, но требуют приплат в миллиарды рублей (железные дороги, почта, национализированные фабрики и заводы); в-четвертых, самое падение курса рубля заставляет увеличивать жалованье и заработную плату, а также расходы на матерьялы, сырье и средства производства.

5. Государственные доходы малы по следующим причинам: а) Налоги поступают слабо, главным образом потому, что источник их закрыт: налог взимает часть дохода, принадлежащего отдельному лицу или предприятию на началах собственности; в настоящее же время главнейшие источники доходов исчезли: земли, дома, предприятия, движимые капиталы, торговля, промышленность, сельское хозяйство (крупное) и банковое дело—все это стало государственным достоянием. Естественно, что налоги потеряли значение. Что же касается крестьянского хозяйства и мелкой промышленности, то обложение их налогами, и в особенности получение сборов, встречают непреодолимые затруднения в нежелании платить, в невозможности принудительного взыскания при разбросанности и мелкоте об'ектов, при отсутствии агентов центральной власти на местах и при исполь-

зовании местных податных источников местными властями. б) Прибавки к ценам отпускаемых государством товаров, заменяющие косвенные налоги, не могут много дать по следующим причинам: прибавлять крупные ставки к предметам первой необходимости нерационально, ибо вздорожание жизни должно неизбежно отразиться на повышении заработной платы и жалованья многочисленных служащих государства, других же товаров очень мало. в) Надбавки к ценам товаров, производимых национализированными предприятиями, сливаются с доходами этих предприятий. Но доходов этих, как указано выше, не имеется; пока предприятия в громадном размере дефицитны.

6. Займы для покрытия дефицитов неосуществимы ни заграницей, ни внутри страны, в виду того, что отказом платить проценты по прежде заключенным займам советская власть подорвала свой кредит, и можно сказать с уверенностью, что размещение займов, как внутренних, так и внешних, окажется невозможным, по крайней мере до тех пор, пока не будут в той или иной сумме, в том или ином размере удовлетворены кредиторы по прежним обязательствам государства.

7. Необходимость в усиленном выпуске кредитных билетов, кроме бюджетных нужд, об'ясняется еще тем, что потребность в денежных знаках естественно усиливается при нынешних обстоятельствах, когда деньги только приливают к населению, но не отливают от него в кредитные учреждения. Вкладная операция свелась только к выдаче вкладов: население прячет деньги дома, тогда как прежде они собирались в банковых и кредитных учреждениях, а отсюда шли на финансирование промышленности, на покупку государственных бумаг, на текущие счета в государственном банке и т. д. Чековый оборот, платежи векселями и безденежные расчеты также значительно сокращали потребность в денежных знаках. Отмена тайны вкладов, конфискация их в связи с чрезвычайными сборами, ограничение выдач, национализация банков и других кредитных учреждений— все это убило кредит и охоту пускать свои свободные средства на широкий денежный рынок.

8. Обеспеченность бумажных денег, опора доверия к ним, за ничтожностью золотого запаса и отсутствием иных реальных гарантий, могла бы покоиться лишь на уверенности, что переживаемые ныне затруднения кратковременны, что политическое и финансово-экономическое положение очень скоро улучшатся, что усиленная производительность труда быстро и легко покроет бреши, образовавшиеся в народном и государственном хозяйствах за время войны и революционной эпохи. Но уверенности этой неоткуда взяться, для нее нет никакой почвы, и ее естественно не существует.

9. Если серьезно думать о повышении курса рубля, необходимо коренным образом изменить и общую, и финансово-экономическую политику. Денежное обращение есть результат общих условий жизни и работы страны. Прекращение междоусобной войны— первое условие оздоровления. Усиленный и полезный труд, вместо праздности и тунеядства—второе: надо не только распределять и истреблять накопленное, но и производить вновь, по крайней мере, не меньше того, что расходуется. Сокращение совершенно непосильного об'ема государ

ственного хозяйства и замена его частной, общественной и кооперативной работой, с допущением личной инициативы в широких размерах—третье условие. Оздоровление кредитного и банкового хозяйств, восстановление промышленности—четвертое.

Самое же главное заключается в том, чтобы признать невозможность перестройки всего народного хозяйства—да еще в краткий срок—на началах, исключающих личную заинтересованность хозяйствующего суб'екта, и чтобы сделать из этого признания соответствующие выводы.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I глава. «Перед началом войны» . . . . . стр. 1.

II „ «Период войны» с 1914 г. по 1917 год . „ 3.

III „ «Год революции 1917 год». . . . . „ 8.

IV „ «Финансы Коммунистической республики» „ 21.

V „ «Выводы». . . . . „ 36.

Финансово-Экономическое Отдел
ГОСБАНКА
332
Р-88
13542

Того же автора.

Наша финансовая система. (Опыт характеристики). Спб. 1905.

Современные косвенные налоги на предметы потребления. Спб. 1908 стр. 605+XVIII.

Винная монополия в иностранных государствах. Спб. 1914 стр. 548+XII.

Винная монополия в России. Петроград, 1916 стр. 627+VII.
